

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

так и по характеристике отдельных зданий. Иранистика и история материальной культуры сасанидского периода обогатились ценнейшим материалом, который сквозит из каждой строчки статьи О. Reuther. Приветствуя блестящий успех экспедиции, можно с нетерпением ожидать подробного опубликования материалов первой археологической кампании, возлагая большие надежды на дальнейшие работы германской экспедиции в Ктесифоне.¹

В. Крачковская.

Сборник консульских докладов (Южная Персия). Издание Народного комиссариата по иностранным делам. Москва, 1932 г., 88 стр.

Названный сборник открывает собою предположенную к изданию серию докладов советских консульских представителей за границей. Народный комиссариат по иностранным делам, предпринимая издание сборника, стремится удовлетворить этим потребность в первую очередь самих консульских работников, а затем и заграничных представителей советских хозяйственных организаций в материалах справочного характера, необходимых им для общей ориентировки в повседневной работе. Наряду с этой, чисто практической задачей, издание сборника, содержа в себе в систематизированном виде ряд конкретных данных, должно также явиться полезным учебным пособием для подготавливаемых кадров будущих работников соответствующих специальностей и одновременно снабжать и научно-исследовательские институты материалами для дальнейшей научной обработки.

¹ За истекшее с 1930 г. время это пожелание осуществилось, с изменениями в общих условиях экспедиции и ее личном составе. Отчету второй кампании мы предполагаем посвятить в ближайшее время отдельную рецензию.

Несомненно, подобного рода начинание можно только приветствовать, учитывая ту насущную потребность, которую испытывают в настоящее время не только перечисленные выше категории лиц и учреждений, но и широкие круги советской общественности. В особенности же нужно подчеркнуть потребность в подобном рода материалах наших востоковедных учебных и научно-исследовательских заведений и учреждений. Фактические данные из области социальных отношений и экономики колониальных и полуколониальных стран современного Востока подчас столь скудно отражены в советской литературе, что представить себе в полном объеме развитие социально-экономических процессов в этих странах становится делом не только весьма затруднительным, но и нередко приводящим к ложным выводам. Достаточно, напр. указать на мигнувшую дискуссии по проблемам современной Персии. Схематизм, упрощение, неправильные положения и выводы в высказываниях отдельных товарищей, ограничение себя кругом теоретических умозаключений без подкрепления таковых конкретным фактическим материалом в большой мере вытекали именно из-за отсутствия или ограниченности этих материалов.

Сборник консульских докладов, нося характер справочника, тем самым определяет и круг предъявляемых к такого вида изданиям требований. Последние можно вкратце свести к следующим: 1) точность, достоверность и новизна материала, 2) сжатость и отчетливость его изложения, 3) научность материала, т. е. опубликование только критически взвешенных и оцененных данных, 4) известный методологический подход в систематизации материалов, исключаящий узкое делчество и дающий возможность научного обобщения и 5) единство формы

изложения материалов, облегчающее сравнение между отдельными странами или отдельными областями внутри одной страны.

К сожалению, рецензируемый сборник далеко не полностью отвечает этим требованиям. Он содержит в себе небольшую заметку редакционной коллегии, краткий словарь встречающихся в тексте персидских слов и очерки провинций Сеистана, Кермана, Фарса, Исфагана и Хузистана, причем Керманская провинция не описана полностью, а только три ее булука (уезда): Рафсиджан, Бардсир и Кухбенап. В принципе такое детальное описание частей отдельных провинций нужно признать весьма желательным, как могущее дать исключительный по ценности материал. Это один из немногих опытов, встречающихся в русской литературе по Персии, однако, надо сказать, опыт мало удачный, так как автор или авторы этих трех очерков подошли к разрешению своей задачи с тем же масштабом, что и при описании целой области, в то время как, показывая лишь отдельные части целого, нужно было демонстрировать их в гораздо более крупном плане.

Помещенные в сборнике очерки датированы: Керман — 1925 годом, а Фарс, Исфаган и Хузистан — 1927 годом. Очерк Сеистана даты не имеет, но, судя по тому, что наиболее поздняя дата, упоминаемая в нем, — 1928 год, можно предположить, что очерк относится именно к этому году. Таким образом, весь собранный в этом сборнике материал к моменту его издания насчитывает в общем 6—8-летнюю давность, т. е. целиком относится к периоду до мирового экономического кризиса, а потому по целому ряду вопросов лишь в слабой степени отражает истинное положение вещей в Персии 1932 года. Правда, редакционная коллегия сборника во вступительной своей

заметке оговаривает это обстоятельство необходимостью изучения отдельных этапов развития стран Востока. Дальнейшее издание сборников с «хронологической последовательностью публикуемых материалов» должно явиться продолжением рецензируемого и таким образом предоставить возможность следить за динамическим процессом социально-экономического развития Персии. Таким образом, первый сборник является как бы исходной точкой, от которой будет прочерчиваться кривая общественного развития страны. По замыслу это в общем правильно, но тогда, нам кажется, первый сборник нельзя было ограничивать столь узкими издательскими рамками, как это имело место. Более рационально было бы значительно расширить объем материалов этого сборника. Чем полнее были бы исходные данные, тем меньше пришлось бы добавлять к ним впоследствии, тем легче было бы представить себе действительное положение современной Персии. Как справочник практического работника, как учебное пособие и как собрание научных материалов, сборник только бы выиграл, при условии, разумеется, что последующие материалы будут опубликовываться без больших опозданий.

Комплекс вопросов, нашедших отражение в отдельных очерках сборника далеко не одинаков. Этим нарушается единство плана изложения, а следовательно чрезвычайно затрудняется и сравнение отдельных районов или областей между собой и почти исключается возможность использования материалов для обобщений в итоге исследовательской работы по различным проблемам современной Персии.

В одном, например, очерке (Сеистан) дано физико-географическое и топографическое описание области, в дру-

гих (три булюка Кермана) проявлен интерес только к флоре, фауне и ископаемым, а в остальных физическая география не представлена вовсе. В одних очерках (Фарс, Исфаган) довольно подробно излагаются аграрные отношения, в других этот раздел отсутствует совершенно (Хузистан) или его касаются лишь как бы вскользь (Сейстап, Керман). Одни концентрируют внимание на населении области, его национальном и классовом составе (Фарс, Исфаган), другие главное внимание обращают почти исключительно на экспорт товаров и смежные с ним вопросы (Хузистан). Некоторые составители приводят интересные и полезные сведения о налогах (Фарс, Исфаган), другие этот вопрос игнорируют полностью. Некоторые совершают исторические экскурсы, другие нет и т. д. и т. п. За эту пестроту в схеме описания отдельных областей несет ответственность в первую очередь редакционная коллегия, повидимому не выработавшая для этой цели единообразного плана. К сожалению, как видно будет ниже, это не единственный промах редколлегии.

В общем сборник обнимает следующий основной цикл вопросов: сельское хозяйство, промышленность, население и классовые отношения в деревне и городе, транспорт, торговля и т. п., иначе говоря, главнейшие вопросы социально-экономической структуры страны.

В особенности нужно подчеркнуть наличие в сборнике материалов, относящихся к социальным отношениям населения страны. Стремление показать общественные отношения в стране в марксистском освещении составляет безусловно наибольшую заслугу сборника, в этом его основная ценность.

Перейдем теперь непосредственно к помещенным в сборнике очеркам. Рамки настоящей рецензии не дают возможности остановиться одинаково подробно на всех них. Мы ограничимся поэтому более детальным разбором первого очерка Сейстапа, являющегося вместе с очерком Хузистана наиболее слабым и не отвечающего тем требованиям, которые, как указывалось выше, следует предъявлять к справочному изданию.

Очерк Сейстапа состоит из следующих разделов: 1) география и топография, 2) орошение, 3) возвышенности, 4) климат, 5) растительный и животный мир, 6) население, 7) земледелие, 8) скотоводство, 9) аграрный вопрос, 10) охота, промыслы и ремесла, 11) пути сообщения и 12) административное деление. Можно конечно, возражать против подобного деления или выразить недоумение по поводу целесообразности, например, третьего раздела при наличии первого или содержания десятого раздела, где почему-то охота не является промыслом, а о других промыслах, в сущности говоря, ничего не упоминается, ибо ни ткань ковров, ни выделка гончарных изделий не суть промыслы. Но это в данном случае не главное. Материалы, на основании которых составлен очерк Сейстапа, грешат большей частью против пунктов 1 и 3 наших требований, а именно точности, достоверности и научности.

Сейстап — одна из глухих персидских провинций, но в то же время политически чрезвычайно важной, будучи расположенной на юго-востоке Персии, на границе с Афганистаном. Роль этой плодородной области неоднократно отмечалась в истории как «врата в Индию» со стороны Персии, которые служили предметом войн и политических споров. Это историческое значение область не потеряла и до сих пор,

а между тем она продолжает оставаться почти неизученной ни в географическом, ни в геологическом, ни в хозяйственном, ни в социальном отношениях. Правда, очень много в изучении Сеистана сделали англичане, оценившие в полной мере стратегическое и политическое значение области, но их работы могут служить для нас только материалом.

Разбираемый нами очерк вносит мало нового в уже опубликованный материал, являясь главным образом компиляцией известных сведений, часто не проверенных или сомнительных.

Начать с того, что административные границы персидского Сеистана, как и в большинстве печатных работ, остаются и в данном очерке совершенно неясными. Не совсем понятно, почему эта часть Сеистана названа северо-западной (стр. 7), а афганская следовательно юго-восточной, в то время как к афганскому Сеистану следует отнести и район Лаш—Джувейн на нижнем течении р. Фарахруд, километрах в 50 от устья, и тогда персидский Сеистан окажется почти строго западной частью Сеистана в его географических границах.

Утверждение, что нагорная часть Сеистана, составляющая афганскую территорию, расположена на правом и левом берегу реки Гильменда, с главным городом Чекансур (а не Чесансур, как в очерке), острым треугольником врезаются в Персию (стр. 7) очевидно основано на недоразумении.

Река Гильменд ниже селения Кухек, как известно, составляет афгано-персидскую границу, тянущуюся дальше в том же северном направлении до южного края Нейзара. Город же Чекансур расположен к северо-востоку от Кухек. Таким образом, никакого клипа, врезающегося в персидскую территорию, здесь нет. Его можно было бы по-

жалуй усмотреть значительно южнее в районе низины Зиррэ.

Несколько сомнительными являются и величины площадей персидского и афганского Сеистана — 3847 англ. кв. миль и 3159 англ. кв. миль (стр. 7), ибо при взгляде на карту афганская часть кажется значительно больше персидской.

Из описания орошения (стр. 7) можно вынести впечатление, что в половодье вода, заполняя весь бассейн Хамуна, обычно через проток Шилэ изливается далее в Гоуд-и Зиррэ. Это однако чрезвычайно редкое явление, не происходившее на памяти современного туземного населения.¹ В годы особенно большого половодья вода, выходя из Хамуна, заполняет только самый проток Шилэ, обычно являющийся совершенно сухим и покрытым толстым слоем соли², не достигая Гоуд-и Зиррэ. Точно так же не совсем правильно было бы назвать район Миян Кялиги, расположенный в дельте р. Гильменда, лесным районом (стр. 19), так как этот термин заключает в себе совершенно определенное понятие, в то время как по физико-географическим условиям в указанной местности исключены какие бы то ни было лесные пространства. Надо полагать, что речь в данном случае идет не о лесе, как обычно его представляют, а о зарослях древовидного гребенчука, густо покрывающего названный район.³

Перейдем к населению. Количество селений, разбросанных на территории персидского Сеистана, определяется, по данным персидского финансового ведомства в 168 (стр. 12). Эти данные, учитывая несовершенство статистического аппарата в Персии, вряд ли можно при-

¹ G. Curzon. Persia and the Persian question, London, 1892, vol I, p. 226.

² А. Миллер. Очерк Сеистана. Сборн. матер. по Азии, вып. LXXVII, СПб., 1904, стр. 126.

³ Миллер, с. с., стр. 129.

знать достоверными, и автор очерка тут же делает оговорку, что «по другим же сведениям число населенных пунктов свыше 260». Действительно, в уже упомянутой работе Миллера¹ количество селений, о которых удалось собрать сведения, достигает 265, но при этом высказывается предположение, что на самом деле число их должно превышать 300. Тэт, произведший одно из лучших и обстоятельных исследований Сеистана, подтверждает это предположение, устанавливая на персидской территории Сеистана 386 селений.² Если эта последняя цифра и может показаться несколько преувеличенной, то во всяком случае более или менее точное число селений персидского Сеистана нужно искать в пределах 300—380, не полагаясь на персидские официальные данные. Общую численность населения, определенную в очерке в 81 020 чел. (стр. 19), следует признать близкой к действительности. Тэт, не устанавливая подушного количества населения, указывает только число семей, достигающее у него 21 395.³ Принимая средний состав семьи по его же данным в 3—4 чел.,⁴ мы получаем общее количество населения приблизительно в 74 882 чел. Английские довоенные *Consular Reports* повышают эту цифру до 100 000, очевидно принимая во внимание еще и кочевников, находящихся в процессе миграции то в пределах области, то вне ее.

При всей достоверности общего количества населения, указанного в очерке, нельзя однако не упомянуть о крупном недосмотре или небрежности, допущенных либо составителем, либо редактором. Если подсчитать количество

населения по цифрам, приведенным по округам, то в итоге получится не 81 020 чел., а только 67 020.¹ В данных о населении по округам допущена, следовательно, ошибка в 14 000 чел. т. е. на 17%. Иначе говоря, все данные по округам ставятся под сомнение. Кроме того, в статистике населения на стр. 13 указывается для оседлой его части совершенно другая цифра, а именно 128 950 чел. Почему такое несоответствие, остается непонятным. Там же (стр. 14) сверх оседлого населения насчитывается еще 24 890 кочевников, что повышает общее количество населения до 153 840 чел. И эта цифра вызывает недоверие, если принять во внимание сказанное выше. В статистике населения автор очерка совершенно непонятно, почему на первое место ставит религиозный признак. Прежде всего он делит всех жителей на шиитов и суннитов, насчитывая в общей сложности 92 племени,² а затем уже приступает к подразделению племен внутри религиозных групп по хозяйственным признакам. Эти хозяйственные признаки, применяемые автором при делении племен, своеобразны, необычны и часто непонятны. Трудно представить себе племя «торгующих» племя «кочевников-земледельцев» или племя «кочевников-огородников» (это в Сеистане, где земледелие возможно только в условиях искусственного орошения), или племя «ремесленников», как «отголосок чисто феодальных отношений». Что это должно означать, составляет секрет автора, и утверждение, что из таблиц «можно увидеть постепенный переход племени от кочевого быта

¹ Ibid., стр. 135.

² Tate, *Seistan*, прилож. к IV части, 1912.

³ Ibid., прилож. к IV части, 1912.

⁴ Ibid., I—III, 162.

¹ Последняя цифра близка к указываемой в цитированной статье Миллера (стр. 134).

² Это число тоже поражает своей величиной. По всей вероятности автор смешивает понятие «племя» с понятием «колено» или возможно даже с понятием «род».

в оседлому» остается целиком на его совести.

Область аграрных отношений в Персии представляется для нас сейчас наиболее интересной. Интересной потому, что в ней могут быть найдены все типы социально-экономических отношений, начиная от пережитков родового строя кочевых племен, разложения сельской общины оседлого населения до первичных стадий капитализма. Преобладание того или иного типа земельных отношений в каком-либо районе обусловит и всю его экономическую структуру и прольет свет на движущие силы его развития. Вот почему раздел аграрных отношений имеет в очерке района или области кардинальное значение и требует от автора к себе самого внимательного отношения. Сеистан — это как раз такая область, где сейчас можно встретить обилие переходных форм, фиксация которых приобретает большую научную ценность. К сожалению, по материалам очерка Сеистана представить себе ясно картину аграрных отношений в этой области нельзя, отчасти потому, что он в многом расходится с другими источниками, отчасти потому, что они уже слишком отрывочны.

Взять хотя бы термин «пагау». Нигде в Персии кроме Сеистана он теперь, насколько известно, не встречается. Автор очерка в этом термине видит известную земельную меру. «Пагау», пишет он, «есть количество земли, которое могут обработать, вспахать, сравнять и засеять пять крестьян в продолжение 30 дней с парой быков» (стр. 15). На самом же деле пагау не мера земли, а определенная организация сельского населения.

Тэт в своем труде так определяет значение этого термина: «Земледельческая община деревни органи-

зуется в товарищеские группы с целью обработки земли. Эти группы носят название *rāgo*.¹ Число последних устанавливается в зависимости от количества земли, которое кядхуда решает обработать. Число *rāgo* в каждом округе и в целой области изменяется из года в год». ² *Rāgo*, по его словам, бывают двух родов — *ghami* и *tahvil* (в обоих случаях очевидно долгое *i*). Первые обязаны работать по назначению на любой земле, где бы она ни находилась. Вторые, работающие на кядхуду, обычно находятся в более благоприятных условиях в смысле качества почвы и содержатся неподалеку от своей деревни, выполняя барщину, работая в садах, маковых плантациях или в усадьбе кядхуды. *Ghami* же обыкновенно используются для тяжелых общественных работ по сооружению и поддержанию в исправном виде оросительных каналов и плотин, а также для работ в губернаторской резиденции. Величина *rāgo ghami* установлена в шесть человек. *Rāgo tahvil* варьирует от шести до десяти человек, но большая часть их состоит из семи человек. Все расходы и доходы *rāgo* делятся поровну между его членами. В афганской части Сеистана члены каждого товарищества выставляют отдельного человека для выполнения трудовой повинности в деревне. Этот человек, неотлучно там находясь, не участвует в полевых работах *rāgo* и носит название *mar-d-i murda*, т. е. «мертвый человек». Остальные участники *rāgo* таким образом в состоянии без отрыва заниматься земледельческими работами.

Тэт, совершенно правильно отождествляя термин *rāgo*, *paḡau*, *paḡan* с латинским *pagus*, склонен видеть в нем земледельческие общины, занимавшие

¹ Всяду сохранена транскрипция Тэта.

² Tate, o. c., IV, 225,

в прошлом земли в известном удалении от родного городского округа, центра цивилизованной жизни, подобно тому, как еще и теперь в отдаленном округе Миян Кянги проживают на обрабатываемых землях *rāgo*, принадлежащих к округам Шахристана, наиболее цивилизованным и культурным в Сеистане.¹ Сопоставляя этот термин далее с готск. 'gavi' древнесакс. и фризск. 'gā, gō', немецк. 'Gau' или индийск. 'گاؤ', можно прийти к заключению, что мы в данном случае в лице *rāgo* имеем дело с остатками разложившейся земледельческой общины, т. е. определенным типом социальных отношений, а не с земельной мерой.

То же самое с определением термина *кяльган* или, по Тэту, *kalgir*. Автор очерка опять-таки видит в нем «количество земли, которое в течение 10 дней обрабатывается пятью крестьянами при паре быков» и являющееся необложенным налогом владением феодала-хана. (стр. 17). Тэт дает другое определение, называя *kalgir*'ами «дарственные земли, свободные от налога. Считается, что в Сеистане площадь таких дарственных земель равна площади, которую могли бы обработать 100 *rāgo*, причем 3—4 *kalgir*'а рассматриваются как эквивалент площади, которую мог бы обработать один *rāgo*. Земли эти находятся в распоряжении своих владельцев и управляются и обрабатываются их домохозяевами. Как правило земли жалуются муллам и муджтахидам, но могут быть пожалованы и другим лицам за усердную службу».² Очевидно, что здесь мы имеем дело не с земельной мерой, а с формой земле-владения.

Земли Сеистана и по персидским и по европейским источникам составляли соб-

ственность государства, так называемые *халиџаџат*, через губернатора области сдавались в аренду различным лицам, преимущественно выходцам из местных ханских родов. Эти крупные арендаторы, передававшие земли в свою очередь в субаренду, носили и видимо носят здесь название «кядхуда».¹ Существование помещика-арендатора подтверждает и автор очерка Сеистана. Непонятным остается только количественное определение земельной буржуазии. Почему именно нужно принимать каждый род ханов в Сеистане по 20 чел. и почему они в общей сложности составят 1960 чел. (стр. 13), без соответствующей аргументации кажется совсем не убедительным.

Сопоставляя нынешнее состояние с прошлым, автор замечает, что «Сеистан, как гласят предания, был когда-то цветущим краем» (стр. 9). Весьма рискованно и вовсе ненаучно было бы ссылаться в данном случае только на одни предания, а гораздо правильнее было бы обратиться к историческим литературным памятникам или памятникам материальной культуры на месте. Правда, из истории культурной жизни Сеистана до нас дошло не много сведений, но и они до известной степени проливают свет на его прошлое. Арабский географ-путешественник Истахри (IX в.) рисует нам Сеистан эпохи саффаридов как край многолюдных городов с избытком оросительных сооружений и очень богатый.³ Примерно такое же впечатление получается от свидетельства другого арабского географа Ибн-Рустэ (X в.). Конечно, нельзя полностью игнорировать и предания. Они во многом могут послужить в ка-

¹ Tate, o. c., I—III, 162; IV, 325.

² *Ibid.*, IV, 322.

¹ Tate, o. c., IV, 326. Как известно, термин *кядхуда* в остальной Персии означает просто сельского старшину.

² Цит. по Surzon'y, o. c., I, 228, 229.

честве контрольного материала. Но навряд ли в Сеистане сейчас можно вообще встретить местных уроженцев посетителей преданий. По имеющимся сведениям еще лет 25—30 тому назад такие лица или совершенно не были найдены,¹ или число их не превышало двух уже глубоких стариков, более или менее осведомленных в истории края.²

Цельный ряд более мелких, но сильно понижающих ценность издания недостатков нужно отнести на счет редакторов сборника. Сюда относится наличие такого противоречия как выраженное на стр. 8 сомнение в характеристике Сеистана как «страны пшеницы», а на стр. 15 подтверждение, что область «поистине является страной пшеницы и ячменя». Или утверждение, что «растительный и животный мир Сеистана, несмотря на тропическую широту, весьма беден» (стр. 11). Как известно, растительный и животный мир относятся к аazonальным географическим факторам, а вся Персия расположена в северном умеренном поясе.

Массу неудобств при работе со справочником создает разнообразие приводимых мер. То исчисление ведется в английских милях, то в километрах, то в фарсах, то в сажнях и т. п. Температура, напр., для разных времен года указывается то по Фаренгейту, то по Реомюру. Вес — то в метрической системе, то в персидской. Все это мелочи, но мелочи, вызывающие досадные помехи, которые приходится с потерей времени устранять.

Как общий недостаток всех очерков следует упомянуть отсутствие географических карт, хотя бы схематических, облегчающих пользование материалами, и отсутствие указаний на источники,

когда материал не является результатом собственного опыта или наблюдения авторов, без чего невозможен критический подход к ним.

Неудовлетворительно обстоит дело и с редактированием и объяснением встречающихся в тексте персидских слов. Слово *нейзар*, напр., объясняется таким образом (стр. 7): «ней — камыш, зар — пространство, расположенное между ними (*изипамп*), в то время, как *zār* только суффикс, обозначающий место, чем-либо изобилующее, т. е. *нейзар* — пространство, поросшее камышом, тростниковые заросли. В другом месте (стр. 17) дается следующая этимология слова *сардар*: *сар* — голова, *дар* — двери, а вместе — ‘хозяин дома’, ‘хозяин владения’. Между тем *sar* означает также край, начало, и *dār* вовсе не дверь, а основа глагола *dāštan* = иметь, держать. Отсюда *sardār* ‘державший начало’, т. е. ‘начальник’, ‘предводитель’, ‘вождь’. Последнее гораздо вернее объяснило бы в данном случае социальное происхождение и облик сеистанского помещика-арендатора. То же самое и в словаре. Адле не светский суд, а ведомство юстиции. Редакционной коллегии не мешало бы подумать и над унификацией транскрипции персидских слов, в особенности собственных имен и географических названий, включив для этой цели в состав коллегии лингвиста, так как транскрипция до сих пор остается слабым местом в советской востоковедной литературе, посвященной социально-экономическим вопросам.

Рамки настоящей рецензии, как сказано выше, не позволяют также подробно остановиться на разборе остальных очерков сборника, тоже не лишённых многочисленных недостатков. Нельзя обойти молчанием, напр., несколько наивное описание минеральных

¹ Михлер, о. с., стр. 127.

² Tate, о. с., I—III, 178, 179.

богатств Кермана (Рафсинджана) на стр. 22. Цитируем дословно: «а) Гора Мур Сяне. Сверху донизу идет саженью в диаметре синая блестящая жила какого-то (разрядка всюду наша) минерала. Население производило с рудой такие опыты: руду клали на огонь, из руды выплавлялись шарики, которые с треском выскакивали на высоту 5—7 аршпи. Жила эта была открыта недавно при рытье канала. В полверсте от этого места, в той же горе, есть несколько источников с водой зеленого цвета. Летом количество воды в источниках уменьшается, и вода делается плотнее, доходя до консистенции кислого молока. Окрестное население выпаривает на солнце эту воду и собирает порошок, которым с успехом лечит овец от червивых ран. Несколько лет назад некий керманец добыл из горы около пуда меди. В горе есть следы древних (?) шахт.

«2) В Джафер Абад, в 2 верстах от Париза—имеется колодец, который несколько лет назад был обследован каким-то англичанином, взявшим из колодца как бы то образцы».

Разумеется, такое описание минеральных богатств не имеет ничего общего с научным описанием и не годится ни в качестве справочного, ни учебного, ни научного материала.

При описании населения называются (стр. 23) племена «хорасани», «араб», «сеистани» и др. Совершенно очевидно, что это не собственные названия племен, а названия, отличающие эти пришедшие в Керман в более поздние времена этнические группы от коренного населения края, а термином «сеистани» называет себя коренное население Сеистана в отличие от пришлого элемента.¹

¹ В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 47.

Не обошлось в этом очерке и без редакционных недосмотров. На стр. 36 читаем «крестьянских владений—хорда малик—нет совершенно» (в Бардсире, примеч. наше), а на стр. 37 говорится «мельница принадлежит 8 „хурдамалкам“—мелким крестьянам...» и т. д. Вновь ставится под сомнение достоверность материала, а следовательно снижается и ценность самого сборника. Этим не исчерпываются, конечно, все недостатки очерка Кермана.

Значительно, лучше, полнее и обдуманнее составлены очерки Фарса и Исфагана, хотя и в них ряд моментов может вызвать возражение или сомнение. Об очерке Хузистана, собственно говоря, нельзя выразить какого-либо мнения, так как назвать его очерком было бы неправильно, ибо он затрагивает лишь несколько вопросов, касающихся главным образом торговли и совершенно не характеризующих этой страны.

В заключение рецензии сборника нам хотелось бы обмолвиться еще несколькими словами о принципе систематизации собранных в нем материалов. Сборник охватывает период времени в основном с 1925 по 1927 год, т. е. период, который для стран Востока нашел свою характеристику в тезисах VI Конгресса Коминтерна. Эта характеристика безусловно распространяется и на Персию того времени, а между тем, просмотрев сборник, у читателя вовсе такой вывод не напрашивается. Это происходит, на наш взгляд, оттого, что в систематизации материалов не было проявлено никакой целеустремленности. Это, разумеется, крупная ошибка. Давая очерки страны за определенный период времени, необходимо в первую очередь подчеркнуть те моменты, которые играют решающую роль в характеристике страны данного периода.

Будем надеяться, что редакция сборника в будущем учтет сделанные выше замечания, и последующие выпуски сборника появятся в свет в полном соответствии с теми задачами, которые перед ним поставлены. Повторяем, что идея сборников совершенно правильная, и сборники, надлежащим образом составленные, являются ценнейшим материалом и для науки и для практики.

А. Арендс.

Lenz, Wolfgang. Auf dem Dach der Welt. Mit Phonograph und Kamera bei vergessenen Völkern des Pamir. Deutsche Buch-Gemeinschaft. Berlin, 1931, SS. 353. С карт. и фотогр.

Связанная с советско-германской памирской экспедицией 1928 г. научно-популярная литература обогатилась еще одним интересным произведением. В. Ленц, автор рассматриваемой книги, был командирован в состав экспедиции от *Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft*, поставившей перед ним широкую задачу получения возможно большего количества языкового и этнографического материала, связанного с таджикским культурным миром, как, в первую очередь, горным — Памир, так и равнинным — Фергана.

Напечатанные Ленцом по возвращении предварительные отчеты,¹ весьма краткие и чисто информационного характера, дают представление о добытых этнографических и, главное, языковых богатствах. «Auf dem Dach der Welt» является таким образом четвертой по

счету и, очевидно, последней работой, предшествующей основному, еще не появившемуся научному труду, основанному на результатах экспедиции.¹

Как и напечатанный в «*Deutsche Forschung*» отчет, книга «Auf dem Dach der Welt» носит чисто популярный характер, и план, изложение, материал целиком направлены на удовлетворение интересов широкого неподготовленного читателя.

Вся внешняя сторона путешествия, подробный маршрут, события, личные впечатления, одним словом, все то, что не вошло в предварительные отчеты в силу их краткости, что не войдет в полный научный отчет в силу его специальности, изложено автором в порядке записи день за днем по мере продвижения экспедиции. Эта подробность и последовательность выделяют многие ценные детали технического характера, так сказать, из области методологии экспедиций.

Популярный характер книги вполне определяет материал. Быт и специальные условия жизни таджиков описаны с большой точностью. Автор, очевидно, предполагает в другом месте систематизировать и осветить исторически весь приводимый в порядке хронологическом (по мере встречи в пути) этнографический материал (в частности, не безинтересный вопрос о соединении доисламских традиций и верований с исламом); пока читатель довольствуется красочными и подробными описаниями. Стилистически изложению, повсюду очень литературному и не без блеска, придан по временам несколько фельетонный оттенок. В отношениях автора к окружавшим его

¹ 1) *Alai-Pamir Expedition, 1928. Vorläufige Berichte der deutschen Teilnehmer.* «*Deutsche Forschung*», Heft 10. *Notgemeinsch. d. deutsch. Wiss.*, Berlin, 1929, SS. 147—168. Bericht über sprachw. u. ethnogr. Arbeiten der Exped. Auszug daraus in «*Forschungen u. Fortschritte*». 5. 177. Berlin, Mai, 1929. 2) *ZDMG, NF, Band 9, Heft 3—4, S+102—SS. 1930.*

¹ К моменту напечатания этой рецензии стало известно, что такой труд появился в печати, но автору рецензии он до настоящего времени доступен не был.